

А.А. Сазонова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОТ И КОШКА В ПОЭТИЧЕСКОМ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ НАРРАТИВЕ АНГЛОСАКСОВ И ИРЛАНДЦЕВ VII–IX ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коты и мыши, Альдхельм, Книга из Келлса, Пангур Бан, *Muscipula diaboli*, хлебная ордалия.

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется происхождение образа кота в средневековой традиции. Автор полагает, что первым раннесредневековым портретом животного стала латинская загадка англосакса Альдхельма. Анализируется развитие фелинистической образности в сравнительном аспекте двух культур — англосакской и ирландской. Латинская энигматическая традиция англосаксов сопоставляется с визуальными образами гибридной иберно-нортумбрийской книжности (Книга из Келлса) и с поэзией ирландских монахов («Пангур Бан»). Выдвигается авторская интерпретация для загадочного сюжета известной миниатюры с котами из Келлской книги как кража мышами особого хлеба для обряда хлебной ордалии. Рассматриваются историографические интерпретации визуального сюжета как похищение хлебца для причастия и трактовка Хризмы с котами и мышами как *Muscipula diaboli*. Делается вывод о связи хлебной ордалии у англосаксов с восточнохристианскими суевериями и сакральной значимостью хлеба в древнегерманской мифопоэтической традиции.

С выходом цветного факсимильного издания Келлской рукописи (1990) возрос исследовательский интерес к анализу иллюстративного нарратива этого шедевра иберно-саксонского искусства. В современной массовой культуре квинтэссенцией средневековой ирландской традиции стала контаминанция визуальных образов из келлских миниатюр с сюжетом

Анна Анатольевна Сазонова, к.и.н., независимый исследователь, Москва, an13barb@yandex.ru

DOI: 10.32608/2307-8383-2022-30-213-236

известного стихотворения «Я и Пангур Бан», когда юный ирландский послушник и его белый кот превратились в популярных героев номинированного на «Оскар» мультфильма Т. Мура «Тайна Келлс» (2009).

Новая интерпретация автором данной статьи знаменитой келлской миниатюры с котами и мышами (Илл. 1-2) связывается с происхождением фелинистического образа в латинской средневековой культуре. Исследование художественного и визуального истока для анималистического портрета ставит задачи по анализу мультикультурных переключек островных традиций англосаксов и ирландцев, порождающих гибридную иберно-нортумбрийскую книжность, с культурой ориентального христианства, акцентируя внимание на проявлениях авторской оригинальности. Неожиданной новацией для западной латинской культуры в ее изобразительном и литературно-художественном аспектах становится гендерное осмысление образа представителя кошачьих.

На примере загадки «Кошка-мышелов» (“*De catta vel murigipe vel pilase*”? Прил. II) из латинского цикла Альдхельма из Малмсбери (ок. 639–709) можно говорить об отображении ученым монахом современных ему реалий¹. Точное указание на женский пол животного (*fida, vaga venatrix*) подчеркивает (позже законодательно закрепленную) значимость кошки-производительницы и ее мышеловчих свойств для хозяйственной жизни англосаксов. Этот энигматический образ островной кошки является первым фелинистическим портретом

1. Выстроенная Альдхельмом цепочка дети–пес–кошка–мыши находит литературную параллель и исторический контекст. Так в эпиграмме Луксория щенок ловит мышей и дерется с котом, а у Симфосия охота на мышей описывается глазами жертвы из норы. В Кельтской Британии охотой на крыс промышляли мелкие охотничьи терьеры.

в латинской раннесредневековой культуре². Заданный уэссекским монахом в VII в. литературный канон по описанию одомашненного любимца–хищника (неусыпный страж, ночной бесшумный охотник, свирепая убийца мышей, устроительница тайных засад) приобрел популярность в ирландском изобразительном³ и литературном нарративах⁴.

В античном быту малые кошачьи выиграли соперничество с домовыми ласками за положение домашнего питомца, захватив первенство в качестве живой игрушки для римской детской. Глубокая эмоциональная связь между пушистым компаньоном и его юной хозяйкой была запечатлена по воле безутешных родителей на мраморной погребальной стеле из

- 2 Наиболее полно фелинистические образы в позднеантичной литературе были представлены в эпиграммах Луксория из африканской «Латинской антологии» («О щенке–малютке», «О кошке, которая умерла от удара, подавившись мышью») см.: **Луксорий**. 1982: 496, 499; а также «Кот, подавившийся сорокой» см.: **Безымянные поэты**. 1982: 519. В басенной античной традиции, восходящей к Эзопу, — это «Ласка и Афродита», «Ласка и мыши», «Ласка и человек», «Битва мышей с ласками», «Голубка», «Кошка и петух», «Курица и кошка», «Петух и коты-носильщики», «Сова, кошка и мышь» (**Федр. Бабрий**. 1962), «Кошка и куры», «Кошка и мыши», «Мыши и ласки», «Летучая мышь и ласка» (**Эзоп**. 1968), где образ кошки еще не вычленен из функционально-сюжетной общности с домашней лаской-мышеловом. Литературная кошка в античные времена, вероятнее, специализировалась на ловле птиц.
- 3 В знаменитой «Книге из Келса» выделяют символическое изображение Евхаристии в сцене с мышами и кошками (поедание-причастие мышами просфоры либо лунного диска), где Крест Господень интерпретируется как мышеловка для Дьявола см.: **Lewis**. 1980: 142–153. Материал этой статьи интересен и доказателен по форме, но в отношении символической интерпретации по конкретной миниатюре (утроение евхаристического символизма в изображениях мышей с котами, выдры с рыбой и бабочек с куколкой гусеницы) не представляется мне убедительным.
- 4 На пустом нижнем поле рукописи из Рейхенау с комментарием на Вергилия (VIII–IX вв.) было написано древнеирландское стихотворение «Монах и Белый Пангур», сочиненное ирландским анонимом в духе медитативно-философского осмысления собственного интеллектуального бытия и мышеловчей жизнедеятельности энергичного кота.

музея Аквитании (Бордо): девочка крепко прижимает к себе вырывающегося кота, а у ее ног красуется петух⁵. У англосакского автора дворовая кошка не является домашним компаньоном, описание образа ее жизни отличается суровым реализмом, она избегает хозяйских собак, которые сами по загадке «De moloso» опасаются побоев детворы.

Риторическому дискурсу Альдхельма были равно чужды как лирическая сентиментальность, так и эмоциональная слащавость, что частично объясняет герметичность нарратива высокообразованного германца. Чувственный мир духовных и душевных переживаний монаха-книжника из ирландской элегии «Я и Белый Пангур» (ок. 850), наследуя достижения каролингской культуры, относится к уже сложившейся средневековой традиции. «Научно-ловчий» симбиоз монаха и его домашнего кота передает все нюансы научного исследования клириком текстов античных авторов: эксклюзивный характер гуманитарных штудий ирландца, невыразимое удовольствие от медитативного чтения в уединении кельи, наслаждение интеллектуальной игрой ума и радость от постижения потаенной в риторических тенетах мысли, осознание полноты личностной самореализации в качестве читателя, писца и сочинителя. Все это поэтапно находит забавную аналогию в кошачьей охоте: сытное житие Пангура в келье, ловчая одержимость мышами, выжидание и затаивание перед финальным прыжком, тонкое взаимопонимание с хозяином⁶. Средневековый монах выделил два основных качества кошачьих — зоркость глаз и охотничий инстинкт, а

5 **Тоунбее**. 1973: 9, 90, 361, pl. 28.

6 На русском языке мне известно о двух опубликованных переводах с языка оригинала: «Монах и его кот» (пер. Г. Кружкова) см.: **Диллон, Чедвик**. 2002: 305–306, 455–456; и неполный перевод см.: **Мапошина**. 1999: 205.

природную хищность кошки из загадки Альдхельма он заменил на игровое искусство домового Пангура.

Анонимный клирик, без сомнения, обессмертил своего кота и себя, его «маргинальная» элегия стала самым известным древнеирландским стихотворением в Новое время⁷. На мой взгляд, автор не наделял белого Пангура антропоморфными чертами⁸. Келейный питомец остается хищным зверем, его животный образ жизни лишь по культурно-книжной аналогии сопоставляется с интеллектуальной «охотой» ученого монаха. Поэтический лиризм сочинения заключен в просветленной рефлексии автора-интеллектуала и в его сентиментальном отношении к верному единомышленнику.

Загадкой стихотворного шедевра, вписанного в рукопись с грамматическими трактатами по латыни и греческому языку, стало имя белого (Бан) мышелова (Pangur Bán). Валлийское имя кота Пангур воспринимается в древнеирландской элегии как иностранное бриттское (Pangur/pannwr как fuller-Валяльщик)⁹ с начальным /p/. Известны и другие клички для ирландских котов — Méone (little meow как Мяука) и Cruibne (little paws как Лапка-царапка)¹⁰. Монастырское соседство ирландского анонима и «бриттского» кота могло быть обусловлено как случайными обстоятельствами, так и осознанным выбором валлийского имени для котенка,

7 На английском языке существует множество переводов и переложений этого стихотворения, самый традиционный из них Р. Флауэра (растиражированный по детским сборникам) и — популярный в новейшее время — от Ш. Хини (2006) см.: **Crane**. 2013: 14–15.

8 Теме антропоморфизма посвящена часть главы “Cohabitation” из монографии С. Крейн (кот как труженик, гладиатор с сетью, охотник с силками; мышеловчество для кота — детское развлечение-игра, а не добыча пищи) см.: **Crane**. 2013: 12–23.

9 **Morgan**. 1934: 186.

10 **Poole**. 2015: 872.

отсылка к правовым реалиям Уэльса, которые наиболее полно отразили юридическую защиту для домашних котов¹¹.

Знаменитая миниатюра с инициалами Христа (*Chi Rho page*)¹² из иберно-саксонской «Книги из Келлса»¹³ включает загадочную сцену с мышами и кошками (Илл. 1-2). На пурпурном фоне фигурно вырезанного и обрамленного пространства сидит — в профиль напротив друг друга — пара пушистых котов. Бестиарная сценка на плотном пурпуре объединяет собой основания двух инициалов *Chi* и *Rho*. С другой стороны от постамента инициала *Rho* помещена малая миниатюра с толстой выдрой, держащей в зубах рыбину. На спине каждого из кошачьих стоит по мыши, мордочки которых утыкаются в уши котам. Между двумя упитанными мышеловами помещена вторая пара мышей, вцепившихся зубами в хлебец круглой формы. Оба хищника передними лапами с выпущенными когтями крепко держат этих мышей за хвосты. Все четыре грызуна изображены с толстыми длинными хвостами, большего, чем обычные мыши размера, с заметно вытянутыми мордочками и светлой шерсткой. Всем своим обликом эти мыши напоминают крыс. Оба хищных мышелова расположены симметрично (что повторяется в изгибах рамки) и запечатлены в характерной для кошачьих позы, комфортного ожидания с убранным под себя хвостом. Правое животное светлого окраса с более грациальной мордочкой и маленькими ушками напоминает кошку, а левый — кота, темного окраса с

11 Об известном валлийском законе, который защищал жизнь кошек-производительниц и котов-мышеловов большими штрафами см.: **Crane**. 2013: 18. Ранее кошачьи упоминались в разных ситуациях по древнеирландским законам VII–VIII вв. см.: **Poole**. 2015: 871, 873-874.

12 **Book of Kells**. VIII–IX: 34r.

13 О ней см.: **Megaw, Megaw**. 2001: 254–255, 276–277; **Paor**. 1977: 102, 139–140; **Brown, Verey**. 1972: 219–246; **Meyvaert**. 1989: 6–19. О датировании кодекса серединой или концом VIII в. см.: **Wilson**. 1984: 88.

белой головой и с чуть укрупненной мордой и ушами. Буквальное прочтение изобразительной сцены позволяет увидеть здесь забавную игру, тайную охоту и двурушное доносительство¹⁴. Пара мышей забралась на притаившихся котом, но другую пару грызунов мышеловы цепко схватили за хвосты. Равноправие в смешной игре для «мышей» с котами явно мнимое, именно хищники являются тайными хозяевами положения, наслаждаясь беззаботной смелостью заигравшихся воришек.

“Chi Rho page” посвящена *nomen sacrum* Христа, где инициал X означает Chi-cross (**Etym.** I. 3, 11: X littera et in figura cruce et in numero decem demonstrat). Интерпретация Креста в качестве мышеловки для Дьявола (*Muscipula diaboli* как *Cruх Domini / Cruх Christi*)¹⁵ основывается на известной метафоре Августина¹⁶. Бестиарный символизм в ирландских текстах

-
- 14 По разным интерпретациям в иконографии кото-мышинной сценки видят либо мирное сосуществование, либо евхаристическую коалицию верующих (мышей) против сил зла, олицетворяемых котами см.: **Brown.** 2007: 106.
- 15 **Lewis.** 1980: 147, 153. По-моему, звучный образ *Muscipula diaboli* у Августина заменяет по смыслу «ловушку с приманкой», не заключая в себе контекста мышинных взаимоотношений с кошачьими или механических способов поимки зловердных грызунов человеком. Анализ данного «Слова» африканского Отца Церкви свидетельствует, скорее, о его увлечении животными образами Агнца, льва и волка см.: *Sermo CCLXIII. De Ascensione Domini. III, 1: Contra leonem leo, contra lupum agnus. Exsultavit diabolus quando mortuus est Christus, et ipsa morte Christi est diabolus victus: tanquam in muscipula escam accepit. Gaudebat ad mortem, quasi præpositus mortis. Ad quod gaudebat, inde illi tensum est. Muscipula diaboli, cruх Domini: esca qua caperetur, mors Domini. Et ecce surrexit Dominus noster Jesus Christus (Augustinus. 1841: 1210).*
- 16 М. Шапиро подобрал примеры, где Августин оперирует метафорическими образами «мышеловки для дьявола» и «мышеловки» (**Schapiro.** 1945: 182). Так в «Слове» на чудо с хлебами и рыбой см.: *Sermo CXXX, 2: Quis est panis cœli, nisi Christus? <...> Sed venit Redemptor, et victus est deceptor. Et quid fecit Redemptor noster captivatori nostro? Ad pretium nostrum tetendit muscipulam crucem suam: posuit ibi quasi escam sanguinem suum (Augustinus. 1841: 726); Sermo CXXXIV, IV-V: Peccatum ergo appellata est caro habens similitudinem carnis peccati, ut esset sacrificium pro peccato. <...> Peccatum*

оценивается исследователями как более тонкий¹⁷, чем буквальное морализаторство «Физиолога». Поэтому кото-мышьяная сцена с иллюстрации могла быть связана как с ирландской интерпретацией неизвестного сюжета из восточных преданий¹⁸, так и с визуальными образами из монастырского бытового фольклора, по типу римского мраморного барельефа с танцующим (под музыку играющей на лире девочки) котом¹⁹. Миниатюрные изображения существ из природного мира на “Chi Rho page” (коты с мышами, выдра с рыбой, бабочки и кристаллы) следует рассматривать как единый метатекст, программно функционирующий в гибридном пространстве новой иберно-саксонской культуры. Возможно, на этой странице художник инверсировал микрокосмос души человека до вселенского масштаба переживаний Христовых Страстей, а весь природный макрокосмос миниатюрировал в многоцветные драгоценные фигурки. И здесь особое звучание получает тема парности кошачьих через сочетание женского и мужского начала в квазиритуальной сценке. В явном отображении четырех стихий-первоэлементов (воздух — бабочки, вода — рыба, земля — полуводная выдра и хтонические мыши) непонятна только роль кота и кошки, которые

oblatum est, et deletum est peccatum. Fusus est sanguis Redemptoris, et deleta est cautio debitoris. Ipse est sanguis qui pro multis effusus est in remissionem peccatorum. <...> Quid ergo ad horam exultasti, quia invenisti in Christo carnem mortalem? Muscipula tua erat: unde lætatus es, inde captus es (Augustinus. 1841: 745).

- 17 По другим животным образам см.: Борч. 2012: 15.
- 18 Можно вспомнить ренессансное изображение затаившегося между Адама и Евы кота с гравюры А. Дюрера (1504), где пушистый охотник с наостренными ушками, притворившись уснувшим, поджидает обнаглевшую мышь и выступает охранником Древа Познания в Раю. Возможно, функционально он осмыслен райским ловцом на змей.
- 19 Toynbee. 1973: 90.

могли отсылать к огню сладострастия либо к таинственным отблескам их глаз во тьме (как и сияние кристаллов).

Приземленность основного кото–мышиного сюжета подтверждает бытовая сценка посреди текста (Илл. 3), где рукой другого иллюстратора была изображена кошка, поймавшая за хвост убегающего на длинных лапах грызуна, держащего в зубах круглый хлебец²⁰. Этот лаконичный сюжет и мог отображать похищение серым воришкой просфоры, эволюционируя от заговорного хлеба античного языческого обряда к хлебной ордалии англосаксов в упрощенном варианте. Возможно, сценки с кото–мышинной забавой и с выдрой, поймавшей рыбку, не только дополняют друг друга в евхаристической символике, но и противопоставляются как почвенно ирландский мотив для выдры и средиземноморский для игрищ кошек с мышами, продолжая энигматическую линию автора-малмсберийца²¹.

Уэссекский монах эмоционально акцентировал внимание на вечной борьбе кошачьих с мышами, выбирая из трех этимологий у Исидора Севильского основное наименование (*musio* — *muriceps*) от «ненавистного племени» (*gens exosa*) мышей. Отказавшись от литературных характеристик

20 В Келлской книге разными иллюстраторами изображены по одиночке еще семь малых кошачьих (fol. 67r, 50v, 83r (Илл. 4), 92v, 183v, 272r, 280r).

21 **Book of Kells**. VIII–IX: 48r. В житиях ирландских святых нередко обыгрывается помощь выдры («водяной собаки») святым людям, для которых она ловит и приносит рыбу (на миниатюре, по-видимому, лосось), что отсылает к помощи ориентальных зверей святым отшельникам по восточным житиям. О примерах из ирландской агиографии см.: **Lewis**. 1980: 145. Германец Альдхельм черпал художественное вдохновение из латинской литературы, его британская одомашненная кошка оказалась не только родом из Средиземноморья, она была элементом античной традиции и, по-моему предположению, в монастырской культуре англосаксов и ирландцев оказалась связанной с поверьями вокруг позднеантичного обряда хлебной ордалии.

античного малого хищника (сладострастие кошек, ловля птиц и змей, использование в магических ритуалах и связь с лунным циклом, кошачий камень), Альдхельм сформулировал постримский канон для кошачьего описания: охрана хлебных запасов, охота на мышей, ловля мелких зверей путем выслеживания и затаивания, ночная зоркость зрения и конфронтация с собаками.

В «Естественной истории» Плиния были выделены две основные характеристики кошки — ловля птиц способом бесшумного подкрадывания и охота на мышек путем затаивания и стремительного прыжка на жертву (NH. X. 94, 202: *Feles quidem quo silentio, quam levibus vestigiis obrepunt avibus! Quam occulte speculatae in musculos exiliunt!*). Подчеркивается и общая скрытность животного, закапывающего свои экскременты. Исидор изложил тот же материал, включая замечание Плиния об уникальности кошачьего зрения (NH. XXXVII. 18, 69), в упрощенной форме, используя этимологический принцип для построения нарратива (*musio-cattus-catus*)²². Описание мышей у античного энциклопедиста дано по географическому принципу (NH. VIII. 82, 221–224). Плинием подчеркнуты следующие качества этих животных — обитание в человеческих жилищах, зловредная прожорливость и вороватость грызунов, предпочтительность белых мышей (откуда сравнение со светлыми шкурками «келлских мышек» и белоснежностью Пангура). Сведения раннесредневекового энциклопедиста по мышам на удивление кратки и скудны²³.

22 **Etym.** XII. 2, 38: *Musio* appellatus, quod muribus infestus sit. Hunc vulgus *cattum* a captura vocant. Alii dicunt, quod *cattat*, id est videt. Nam tanto acute cernit ut fulgore luminis noctis tenebras superet. Vnde a Graeco venit *catus*, id est ingeniosus, APO TOU KAIESTHAI.

23 **Etym.** XII. 3, 1: *Mus* pusillum animal. Graecum illi nomen est; quidquid vero ex eo trahit Latinum fit. Alii dicunt mures quod ex humore terrae nascantur;

Севилец основывался на архаических средиземноморских представлениях о хтонической природе мелких грызунов, а его упоминание о мышьиной печени отсылает к магико-медицинской практике античности.

С чем мог быть связан столь разительный контраст между дворовой кошкой англосаксов и домашним белым котом ирландского монаха в Германии? Возможно, во времена Альдхельма местные кошачьи отличались суровым нравом, что вызывала постоянная гибридизация домашней кошки (*Felis catus*) с диким европейским котом (*Felis silvestris*) в условиях сельского и полулесного расположения монастырей в VII веке. Археологические данные свидетельствуют о незначительном преобладании костей хозяйских собак над кошачьими уже в средний англосаксонский период (0,4% vs 0,3%), с двойным перевесом для дворовых кошек по городам (0,2% vs 0,4%), но для раннего англосаксонского периода домашние кошки были еще малочисленны по сравнению с собаками (0,8% vs 0,3%)²⁴.

Продолжателями англо-латинской традиции ученого сакса в следующем поколении высокопоставленных клириков в Британии стали архиепископ Татвин (731–734) и настоятель Виармута-Ярроу Хветберхт-Евсевий (716–ок. 745), которые, дополняя друг друга, создали новую коллекцию из ста загадок. Оба автора не воспользовались анималистическими портретами малмсберийца, у нортумбрийского аббата можно увидеть обыгрывание основных характеристик Тигра из загадки Симфосия (XXXVIII. *Tigris*), сведения которой восходили к данным Варрона, Плиния и Солина. Евсевий сочинил три

nam mus terra, unde et humus. His in plenilunio iecur crescit, sicut quaedam maritima augentur, quae rursus minente luna deficient.

24 **Poolе**. 2015: 867 (таблица № 1), 868 (известен окрас англосакских кошек — рыжий, серый, черно-белый).

кошачьих энигмы (“De tigris bestia”, “De pant[h]era”, “De leopardo”)²⁵, основываясь на описаниях Исидора Севильского²⁶. Хищные бестии североанглского интеллектуала отличаются своей чудесностью (Пантера), скоростью бега (Тигр) и силой (Леопард), необыкновенным окрасом шкуры (Тигр), экзотическими именами (имя Тигра для названия реки и стрелы; этимология Пантеры по-гречески; композитное от родителей имя гибридного Леопарда). Судя по всему, сам Альдхельм не поддался экзотическому очарованию восточного «Физиолога» с его христианским морализаторством и «наивным» символизмом, где фантастически интерпретировались античные представления о животном мире²⁷. В латинском универсуме западносакского монаха нет места сказочной Пантере, которая своим благоухающим рыком сзывает всех зверей, для островного интеллектуала более логична пара из двух кошачьих — Льва и Кошки (Прил. I-II).

Таким образом, можно говорить о парадоксальной ситуации, когда идейными преемниками фелинистической проблематики Альдхельма стали ирландские монахи VIII–IX вв., а ближайшие эпигоны (из следующего поколения ученых англосаксов) следовали энигматической концепции на формальном уровне, буквально ориентируясь на энциклопедию вестгота Исидора и косвенно на материал ориентального «Физиолога». Изучение данного вопроса, следуя по

25 Eusebius. 1968: 253–256.

26 «Этимологии» Исидора стали основным источником по словесному портрету Тигра (Etym. XII. 2, 7: скорость бега, подобная полету птиц; пятнистость и быстрота как у стремнины реки; но главное — персидская этимология для стрелы), по характеристикам Пантеры (Etym. XII. 2, 8–9: толкование и этимологизирование греческого *pān*, однократная возможность для рождения потомства) и Леопарда (Etym. XII. 2, 10–11: о гибридности происхождения хищника и его имени от матери — львицы и отца — парда).

27 Физиолог. 1998.

извилистому пути охотящегося Пангура и искусному методу распутывания тайных смыслов в античных текстах монаха из Рейхенау, определило также и новый уровень для *игры интерпретаций* в раннесредневековых источниках вокруг символа мышеловки. В «Загадках» уэссекского монаха отсутствует вещный образ мышеловки, который задан анонимом в Бернском кодексе 611 (XL. De muscipula). Хотя напрямую мышеловка в загадке Симфосия (XXV. Mus) не упоминается, но подразумевается опасность, поджидающая затаившуюся мышку на пороге ее норы (мышеловка или кошка) за кражу пищи²⁸. В итоге, именно западный сакс Альдхельм сделал окончательный выбор для всей раннесредневековой культуры в пользу живого хищника, отказавшись от предметного артефакта.

На мой взгляд, вышеописанная сценка с мышами и кошками из Келлской книги не коррелирует с темой мышеловки из античной литературы и не может иллюстрировать метафору Августина о «мышеловке дьявола». Кото-мышинные игры и поимка мыши в мышеловку являются, по-моему, разными сюжетными линиями. Уникальная для своего времени образованность Альдхельма проявилась и при рассмотрении данного вопроса. Малмсбериец использовал мотив мышеловки в прозамере «Похвала девственности»²⁹ и иносказательно в письме к Вихтфриду, когда сочинял риторически замысловатый пассаж о Медном Змие и о распятой на Животворщем Кресте пойманной Смерти³⁰. Агиографические

28 **Симфосий.** 25. Мышь: В маленьком доме живу, где дверь постоянно открыта. // Малою пищей кормлюсь, однако же краденой пищей. // Имя такое ношу, как римский некогда консул (пер. М.А. Гаспарова) см.: **Симфосий.** 1982: 419.

29 **Remley.** 1989: 3-7.

30 **Сазонова.** 2010: 347, 361.

фрагменты, посвященные патриарху Иосифу (**DV. LIII: strofosam muliebris audaciae muscipulam**) и мученице Агнессе (**CDV. 1941: Muscipulam metuens spremit sermone petulcum**), святому Киприану (**DV. XLIII: adhibitis Leviathan argumentis strofosique deceptionum muscipulis ad thalami copulam et maritalе consortium flectere nequiret**), демонстрируют знакомство островного германца с латинским образным языком Африканской Церкви в понимании мышеловки как ловушки для пороков, приманкой в которой служит телесное начало человека. Африканская традиция маркировала связь мышеловки с прелюбодеянием и сексуальностью, распущенностью и жадностью. Эта интерпретация была известна Августину³¹, но его, очевидно, личной новацией стал переход к устойчивому образу *Cruх Christi* (*Cruх Domini*) как *muscipula diaboli*³². Для Альдхельма ведущим было следование основной традиции (мышеловка как ловушка греховного искушения), но уже по комментарию Р. Эвальда (**AO 295**) “*strofosus*” интерпретируется как “*diabolus*”, добавляя тексту сакского клирика и августиновский подтекст.

В кото–мышинной войне по загадке и в англо–ирландских миниатюрах с забавными играми крыс с хитрыми кошачьими можно увидеть связь с одним из клерикальных суеверий (хлебным испытанием), известным на христианском Востоке и в византийской религиозной культуре³³. Речь идет о поимке

31 **Augustinus.** Sermo LVII, IX: Si autem avaritia in te inventa fuerit, viso lucro inardescis, vitiosæ escæ caperis laqueo. Si autem non in te invenerit avaritiam, remansit frustra extenta muscipula. Proponit tibi tentator pulcherrimam feminam: adsit intus castitas, victa est foris iniquitas (**Augustinus.** 1841: 391).

32 **Augustinus.** Sermo CCLXV (d), V: Mortis avidus diabolus fuit, mortis avarus diabolus fuit. Cruх Christi muscipula fuit: mors Christi, immo caro mortalis Christi tamquam esca in muscipula fuit (**Remley.** 1989: 1).

33 **Виноградов, Желтов.** 2015: 52–66.

и изобличении вора по ходу специального ритуала, который проводил священнослужитель над подозреваемым в воровстве с помощью помеченного хлебца и отчитки текстов заговорно-магического характера. Подлинный преступник был не в состоянии психологически выдержать такое стрессовое состояние. Этот позднеантичный обычай относился к числу запрещенных в христианской церкви³⁴. Если в англосакской энигме ловчая кошка правомерно боролась с мышами, расхищающими зерно в амбарах, то авторы книжных миниатюр могли задумывать полноценные аллюзии на воровство мышами (или крысами) особых хлебцов, которые должны были поедать подозреваемые в воровстве во время магической отчитки и невольно выдавать себя, подавившись хлебом. То есть вороватый грызун утаскивал антиворовской артефакт, мешая проведению обряда, на страже которого, вероятно, и стояли монастырские коты.

Для сравнения с богатой на фактографию ирландской книжной культурой, где кот стал одним из самых чудесных зверей, можно привести характерный эпизод из саги «Трудное гостевание у Гуайре» (она датируется XII–XIII вв., но описанные в ней события происходят в VII в.)³⁵. Во время гостевания поэтов у короля Гуайре мыши съели яйцо, приготовленное на завтрак главному поэту. Сначала разгневанный Сенхан задумал сочинить хулу на короля, но затем здраво рассудил, что виноват был кот, обязанный охранять яйцо от грызунов. Однако хулительное поношение не возымело на верховного короля

34 Хлебная (или сырная) ордалия, связанная с литургией и проводимая священнослужителями, фиксируется по законам Эдгара, Этельреда и Кнута X–XI вв. см.: **Keefe**. 1998: 242. В статье не исследуется происхождение этого обряда у англосаксов. Хлебная ордалия — одно из четырех судебных испытаний по законам позднего англосаксонского периода, только она, возможно, применялась исключительно к клирикам и монахам.

35 **Михайлова**. 2021: 61.

котов Ярусана погибельного эффекта. Наоборот, рассвирепевший Ярусан (в своем истинном размере) схватил Сенхана и поволок для поедания в свое логовище, по дороге к которому у монастыря Клонмакнойс святой Киаран убил хищного зверя, используя антимагический способ паразитировать волшебное существо, он метнул в него расплавленным металлом³⁶.

Раннесредневековая трактовка позитивных качеств кота и кошки может подводить к становлению средневековых представлений у клириков о чистоте малых кошачьих по сравнению с нечистым статусом хтонических мышей и грязных собак³⁷. Изначально все крупные кошачьи (как дикие бестии) являлись в библейском понимании нечистыми животными. Однако постепенно в раннехристианской культуре складывалась амбивалентная символика для льва, которого либо сравнивали с воскресшим Христом, либо усматривали у него проявления дьявольской природы³⁸. В энигматическом цикле малмсберийца ведущим представителем кошачьих стал Лев, символ евангелиста Марка и зодиакальное созвездие (Прил. I). Моделируя природный мир загадки, Альдхельм устроил фантастическую охоту, где выставил против ориентального царя зверей северных представителей германского

36 Михайлова. 2021: 61–62. Monaghan. 2004: 77.

37 Неслучайно и то, что «реабилитация» кошачьих и позитивное восприятие пушистых мышеловов были свойственны ученой монашеской среде, где, интерпретируя библейскую классификацию чистых и нечистых животных, относили котов к чистым (наземные и домашние), а мышей — к нечистым (подземные и дикие).

38 Параллельно «обелению» домашних кошачьих и осмыслению христианской символики Льва происходило наполнение новыми смыслами образа восточной Пантеры. Для читателей александрийского «Физиолога» и средневековых бестиариев, восхищавшихся описанием и изображениями пестрой Пантеры с ее благоухающим голосом, именно эта дивно красивая хищница из всех кошачьих становится визуальным символом Христа.

бестиария — свирепого кабана и яростного оленя, хищного медведя и лютых волков.

Таким образом, на страницах загадок грозный воитель Лев соседствует с малой охотницей Кошкой, чье жестокое преследование своих жертв сочетается с осторожностью, которую она проявляет по отношению к охотничьим псам. Авторский выбор Альдхельмом именно кошки, смысловым акцентом на пол которой подчеркивает ее фертильные качества, ограничился в энигме описанием охотничьей и мышеловчей природы животного, без отсылки к ее «производственной» роли нежной матери для котят. По моему мнению, ученый монах, с одной стороны, проводит скрытую параллель с другими загадками о порождающем начале в природе (Природа, Земля, Туча, Оporосная свинья, Ласка, Источник, Ночь), а с другой стороны, обыгрывая гендерную парность Льва и Кошки, он сопоставляет их с аномальной парой человеческих героев из своих загадок — с «Роженицей двойни» и «Урожденным слепцом». Военская и царственная маскулинность Льва подчеркивает женскую агрессивность Кошки, беспощадной к мелкому зверью и избегающей заведомо превосходящих врагов. Художественно интерпретируя поведенческие черты кошки, Альдхельм имитировал в последней строке энигмы взрыв чисто женских эмоций.

Акцент иберно–нортумбрийских художников на сакральном хлебе и устойчивый интерес поздних англосакских законодателей к хлебному испытанию имели глубокие древнегерманские корни в традиционной культуре англосаксов³⁹. Обрядовые хлебцы со знаками–надрезами и их вотивные глиняные модели были вещными элементами не только

39 Сазонова. 2018: 168–173 (§ Помол, просеивание, хлебопечение: Нижний мир и стихия огня).

гончарной магии, жертвенного очага и погребального культа, но и основой культа плодородия, — общими для всех индоевропейцев. Хищная суровость кошки Альдхельма и «интеллектуализм» белого кота ирландского монаха визуально оттенялись в двух травестирующих хлебную ордалию сценках (статичная в наблюдении и динамическая в погоне) кото-мышинных игрищ из Келлской книги, которые носили, безусловно, юмористический характер. Исходя из этого, можно предполагать, что и смысловая интерпретация миниатюристами похищения ордального хлебца добавляла высокому сюжету снижено бытовую эмоциональность. Осмысленный выбор ранне-средневековыми творцами гендерной дифференциации для художественных описаний и портретов малых кошачьих сохранил полный комплект культурных характеристик своего времени, уникальность которого в том, что женская хищность, мужской интеллектуализм и парность в квазиритуальной сценке для животных не переступили через тонкую грань наделения одомашненных зверей антропоморфными чертами.

Приложения

АЛЬДХЕЛЬМ. ЗАГАДКИ⁴⁰

I

XXXIX. ЛЕВ (LEO)

Косматый — в лесах вооруженных клыками вепрей
И равно рогатых оленей, хоть пастью ревущих,
Терзаю, и не страшась раздираю суставы медведей;
Мордой кровавой сношу укусы и оскалы волков;
Дикий — совсем не стыжусь кичиться царским величьем,
Сплю ведь с открытыми, — не закрываясь от света, — очами.

II

LXV. КОШКА-МЫШЕЛОВ (MURICEPS)

Вполне надежный страж, неусыпно покои сторожащий,
Мрачными ночами посещаю потайные убежища,
Не теряя свет очей в темных пещерах.
Для незримых расхитителей, кто опустошает груды зерна,
Ловушки смерти бесшумно устраиваю в полбе.
Бродячая охотница, обшариваю я и норы диких зверей,
Но не хочу, чтоб травили быстроногими турмами с псами,
Которые, облаивая меня, будут преследовать жестокой войной.
Племя ненавистное мне положило имя носить.

⁴⁰ Мой перевод **Enigm.** XXXIX; LXV (AO 114, 127).

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Эзоп. 1968 — <Эзоп>. Басни Эзопа / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1968.

Безымянные поэты. 1982 — Безымянные поэты. Кот, подавившийся сорокой // Поздняя латинская поэзия / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1982. С. 519.

Луксорий. 1982 — Луксорий. Эпиграммы Луксория // Поздняя латинская поэзия / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1982. С. 482–499.

Симфосий. 1982 — Симфосий. Загадки Симфосия // Поздняя латинская поэзия / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1982. С. 415–432.

Федр. Бабрий. 1962 — Федр. Бабрий. Басни / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1962.

Физиолог. 1998 — Физиолог александрийской редакции (Перевод греческого физиолога в древнейшем его составе) / Пер. Я.И. Смирнова. М., 1998.

A coloring book of Ancient Ireland. 2000 — A coloring book of Ancient Ireland / Text W. Stein, Illustrators N. Swanberg, L. Anderson, N. Conkle, B. Grossman. Santa Barbara, 2000.

Augustinus. 1841 — Augustinus Aurelius. Opera Omnia (PL XXXVIII). Paris, 1841.

Book of Kells. VIII–IX — Book of Kells (Codex Cenannensis), Dublin, Trinity College Library (VIII–IX cc.). MS A. I. 58.

Eusebius. 1968 — Eusebius. Aenigmata Eusebii // Variae collectiones aenigmatum merovingicae aetatis / Ed. Fr. Glorie (CCSL CXXXIII). Turnholti, 1968. P. 209–271.

ЛИТЕРАТУРА

Борч. 2012 — Борч Ж. Зло и меняющаяся природа чудовищ в раннеирландских текстах // Атлантика. Записки по исторической поэтике / Ред. Т.А. Михайлова. Вып. X. Животные в языке и культуре кельтов и германцев. М., 2012. С. 3–20.

Виноградов, Желтов. 2015 — Виноградов А.Ю., Желтов М.С. «Апокрифическая» надпись с Мангупа и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и Средневековьем // Slověne = Словѣне. Международный славистический журнал. М., 2015. Т. 4, №1. С. 52–93.

Диллон, Чедвик. 2002 — Диллон М., Чедвик Н. Кельтские королевства / Пер. С.В. Иванова. СПб., 2002.

Матюшина. 1999 — Матюшина И.Г. Древнейшая лирика Европы. Кн. 1. М., 1999.

Михайлова. 2021 — Михайлова Т.А. Святой Киаран: карающая длань? // Атлантика. Записки по исторической поэтике / Ред. Т.А. Михайлова. Вып. XVII. М., 2021. С. 55–74.

Сазонова. 2018 — Сазонова А.А. Архетипы и артефакты древнегерманской судьбы по «Загадкам» англосакса Альдхельма // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 2) / Глав. ред. В.П. Буданова. М., 2018. Вып. VII. С. 159–228.

Сазонова. 2010 — Сазонова А.А. Трансляция латинской интеллектуальной традиции: Альдхельм Малмсберийский // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Общ. ред. М.С. Петровой, Л.П. Репиной. М., 2010. С. 323–361.

Brown. 2007 — Brown M. The Barberini Gospels: Context and Intertextual Relationships // Text, Image, Interpretation Studies in Anglo-Saxon Literature and its Insular Context in Honour of Éamonn Ó Carragáin / Eds. A. Minnis, J. Roberts. Turnhout, 2007. P. 89–116.

Brown, Verey. 1972 — Brown T., Verey C. Northumbria and the Book of Kells // ASE. Vol. 1. P. 219–246.

Crane. 2013 — Crane S. Animal Encounters: Contacts and Concepts in Medieval Britain. Philadelphia, 2013.

Keefer. 1998 — Keefer S. Ut in omnibus honorificetur Deus: The Corsnœd Ordeal in Anglo-Saxon England // The Community, the Family and the Saint: Patterns of Power in Early Medieval Europe / Eds. J. Hill, M. Swan. Turnhout, 1998. P. 237–264.

Lewis. 1980 — Lewis S. Sacred Calligraphy: The Chi Rho page in the Book of Kells // Traditio. Vol. XXXVI. P. 139–159.

Megaw, Megaw. 2001 — Megaw R., Megaw V. Celtic Art. From its beginning to the Book of Kells. L., 2001.

Meyvaert. 1989 — Meyvaert P. The Book of Kells and Iona // The Art Bulletin. N-Y., 1989. Vol. 71, №1. P. 6–19.

Monaghan. 2004 — Monaghan P. The encyclopedia of Celtic mythology and folklore. N-Y., 2004.

Morgan. 1934 — Morgan T. *Welsh Studies // The Year's Work in Modern Language Studies*. Cambridge, 1934. Vol. 5. P. 185–186.

Paor. 1977 — Paor L. de. *The Christian Triumph: The Golden Age // Treasures of early Irish art, 1500 B.C. to 1500 A.D.* / Ed. P. Cone. N-Y., 1977. P. 93–143.

Poole. 2015 — Poole K. *The Contextual Cat: Human–Animal Relations and Social Meaning in Anglo-Saxon England // Journal of Archaeological Method and Theory*. 2015. Vol. 22. P. 857–882.

Remley. 1989 — Remley P. *Muscipula Diaboli and medieval English Antifeminism // English Studies*. Oxford, 1989. Vol. 70, №1. P. 1–14.

Schapiro. 1945 — Schapiro M. “*Muscipula Diaboli*” *The Symbolism of the Mérode Altarpiece // The Art Bulletin*. N-Y., 1945. Vol. 27, №3. P. 182–187.

Toynbee. 1973 — Toynbee J.M. *Animals in Roman Life and Art*. N-Y., 1973.

Wilson. 1984 — Wilson D. *Anglo-Saxon Art. From the seventh century to the Norman conquest*. L., 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AO — Aldhelmus. *Aldhelmi operae* / Ed. R. Ehwald (MGH AA XV). Pars I–II. Berolini, 1913–1919.

ASE — Anglo-Saxon England. Cambridge.

CCSL — Corpus Christianorum Series Latina. Turnhout.

CDV — Aldhelmus. *Carmen de virginitate* (AO 350–471).

DV — Aldhelmus. *De virginitate* (AO 226–323).

Enigm. — Aldhelmus. *Enigmata* (AO 97–149).

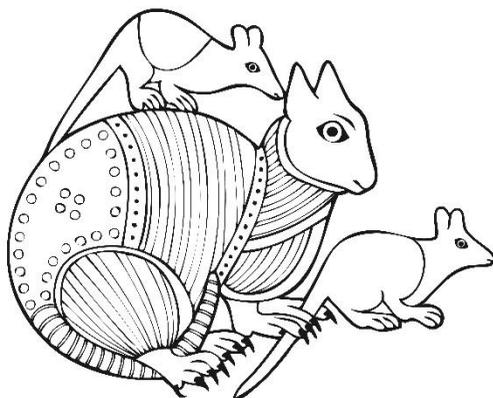
Etym. — Isidorus Hispalensis. *Etymologiarum sive Originum*. Libri XX / Ed. W.M. Lindsay. Vol. I–II. Oxford, 1911.

MGH AA — *Monumenta Germaniae historica, Auctores Antiquissimi*. Berlin.

NH. — Plinius. *Naturalis Historiae Libri XXXVII*: http://www.penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Pliny_the_Elder/home.html (10.01.2022).

PL — Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series latina*. P.

Иллюстрации

Илл. 1-2. Кот и кошка с мышами. Келлская книга (**Book of Kells**. VIII–IX: 34r). Прорисовка воспроизведена по книге **A coloring book of Ancient Ireland**. 2000.

Илл. 3. Охота на мышь. Келльская книга (Book of Kells. VIII–IX: 48r).

Илл. 4. Кот. Келльская книга (Book of Kells. VIII–IX: 83r).